

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ НОВОСИБИРСКОГО МАЛЬЧИШКИ

Я узнал о начале войны солнечным утром 22 июня 1941 года в Парке Героев Революции. Из чёрного репродуктора на высоком столбе разнеслась речь Молотова. Много лет спустя, когда я уже работал в Институте горного дела, я привёл сюда моего немецкого друга Георга Эверлинга, с которым у ИГД были научные контакты, и рассказал о своём военном детстве.

А 3 июля 1941 года с замирающим сердцем мы слушали негромкую речь-обращение к народу И.В. Сталина. Его призыв — «Победа будет за нами» — стал единой целью народа. Только сейчас мы, тогда 10-летние, хоть как-то можем оценить те бесконечные лишения, потери, ту необозримую работу, которые страна смогла перенести для Победы.

Появились эвакуированные. Мне довелось узнать ребятшек из Москвы, которые стали учиться в нашей 22-й школе и жили в наших домах на Трудовой улице: Алика Сыркина, Мишу Геккера, Наташу Степанченко и многих других. Особенно я подружился с Аликом Сыркиным. Впоследствии он стал известным кардиохирургом, академиком медицины. В



Москве он жил на Пушечной, 9. Играли мы, конечно, в войну. Алик был из образованной и культурной семьи. Очень много обсуждали книги. Я многому от него научился. К сожалению, наши послевоенные пути разошлись.

В школе делились сводками Информбюро, обсуждали поражения и победы. Победы нас, как и всех, окрыляли. Все фанатично хотели на фронт, но нам было по 10—11 лет. Ходили слухи, что есть военные (лётные) училища, в которые якобы принимают с 12—14 лет; мы их искали, но к сожалению, не нашли. В кружках изучали морское дело, оружие. Иногда дежурили, охраняя школу по ночам. Мастерили деревянные автоматы, пулемёты, пистолеты для военных игр.

Помню первого увиденного офицера Красной Армии в погонах, какая гордость охватывала всех при виде его; мы, мальчишки, долго бежали за ним. Мы тоже стали рисовать себе погоны.

Главной задачей для многих ребяташек стало — найти, где будут продавать хлеб, как отоварить карточки. Моему отчиму, работнику милиции, полагалось 800 граммов, нам с мамой как «иждивенцам» — по 400 граммов. Но и за этими граммами приходилось стоять часами каждый день. Позже стали прикреплять карточки к определённым магазинам. Стало больше порядка, но стоять приходилось всё равно много часов. Так же и за крупой (пшённая сечка), лапшой, сахаром. Потерять или не отоварить карточки было жизненной трагедией.

А ещё надо было приносить на 5-й этаж воду. В подъездах не было света, дверь в квартиру была напротив чердака, держалась на «честном слове», иногда ночью было страшно. Готовили на коммунальной кухне на буржуйках. В школе нам давали по серо-белой булочке, и мы с нетерпением ждали, когда принесут цинковый бачок с булочками и накидывались на них. А за какие-то выступления (мне доводилось «горнить» с балкона в театре) давали ещё булочку и соевую конфетку — вообще роскошь! А уж как кормили летом в пионерских лагерях — это была настоящая забота страны о детях.

И вот незабываемый и многозначный факт. В Доме печатников, где сейчас на Красном проспекте книжный магазин, был магазин продуктовый с хлебным отделом. У прилавка ежедневно стоял пленный немец с мешком — он просил хлеб для пленных. И люди молча, без разговоров и без упрёков отдавали ему из своих скудных граммов то, что получали в виде «довесков». И я отдавал. Такова душа русского народа.

Для большинства из нас с конца весны и до осени длилась картофельная эпопея — картошку надо было, подготовив семена, посадить, прополоть, окучить, выкопать, охранить, вывезти, перебрать, отобрать на семена для будущей весны, заложить на хранение. Землю давали довольно далеко, приходилось в 3—4 часа утра идти на вокзал, ехать на пригородных поездах, потом час-два идти пешком до поля, а после дня работы проделывать это всё в обратном порядке. Кроме картошки, приходилось работать на огородах, своих и совхозных. Я не слышал, чтобы кто-нибудь из ребят роптал на тяжёлый физический труд и голод, само собой разумелось, что это нормально.

Лазили по крышам — проверять светомаскировку, содержать в готовности оборудование против зажигалок — ведь немецкий рейдер заходил в Обскую губу и обстреливал Диксон. Но с крыши Дома печатников было удобно и смотреть на военные парады! Лётчик на истребителе вверх ногами пролетал прямо над нашими головами, вызывая всеобщее восхищение.

Был и свидетелем трагедий. Стоял у окна и видел взрыв 179-го комбината (впоследствии «Сибсельмаш»). А в начале лета 1943 года постоянное гудение над городом самолетов Чкаловского завода перешло в рёв, закончившийся взрывом — лётчик-испытатель Старощук направил неисправный самолёт в булыжную мостовую Красного проспекта (почти напротив теперешнего Дома быта). Он погиб. Я прибежал через минуту, увидел дымящуюся воронку. Много лет потом я видел выделявшиеся оконные рамы в соседнем доме и знал,

почему они появились. (На этом месте установлена небольшая стрела в память о герое, ценой своей жизни спасшем многих жителей Новосибирска. — ред.)

Напротив нашего дома, через Красный проспект, был госпиталь, и мы установили контакты с ранеными. Один из них, Коля Артамонов, после выписки зашёл к нам в квартиру, попрощался, оставил мне извлечённые из его ран осколки снарядов, оставил адрес в Москве — улица Восточная, 36.

Во время войны была открыта сеть ремесленных училищ. Сын хозяйки комнаты, где мы снимали угол, Юра М. (он был очень талантливым художником) поступил в РУ и приходил домой, на зависть нам, в новенькой чёрной форме, рассказывал, что в ремесленном училище на завтрак давали какао.

Потом возле Окружного Дома офицеров выставили трофейную немецкую технику. Это было очень поучительно — такие громадины, а побеждены нашим оружием и пленены. Мы очень этим гордились.

Отчим мой работал в уголовном розыске, затем в ОБХСС. Режим работы в милиции был с 10.00 до 17.00 и после двухчасового перерыва с 19.00 до 2-х часов ночи. Иногда по вечерам я показывал сыщикам через фильмоскоп детские фильмы. Они бывали очень довольны. Это были очень хорошие люди. Когда отчим бывал дежурным по городу, я приносил ему ужин. Несколько раз в это время случались происшествия, и он брал меня на выезд. Тогда ходили слухи о своей «Чёрной кошке». Я присутствовал на похоронах следователя, погибшего при задержании бандитов.

Во время войны в первом подъезде Дома печатников жил знаменитый сибирский баянист Иван Иванович Маланин. Иногда по вечерам он выходил с инструментом в скверик во дворе и играл. Это было чудо. Мы слушали его игру, особенно вальсы и «Синий платочек», военные песни. Тогда-то мне захотелось самому научиться играть на баяне. Музыкального образования у меня не было, но играть я научился. Мама купила мне баян, потом аккордеон (в 1946г. он стал поводом моей встречи с А.И. Покрышкиным), я стал играть в школе, в клубе, в школе танцев, на вечерах. Зарабатывал.

Надо сказать, что во время войны концерты эвакуированных артистов сыграли огромную роль в поддержании патриотизма. На новосибирском радио ленинградцы Борисов и Адашевский вели передачу «Огонь по врагу», и мы не пропускали ни одного выпуска. Они начинались заставкой:

«С боевою песней — это не впервой нам,
Бить врагов советской солнечной земли,
Боевую песню мы в былые войны
На штыках советских с честью пронесли.
Эх ты, песня—душа,
Песенка-красавица,
Больно песня хороша,
А врагу не нравится!»

Приезжали Л. Утёсов, К. Шульженко, Э. Рознер и другие. Событием стало открытие 12 мая 1945 г. Новосибирского оперного театра, который строился все годы войны. Нашими кумирами были герои военных и исторических фильмов.

Вообще, я думаю, советские песни, музыка, кинофильмы, стихи, проза, публицистика, спорт, юмор — будучи поистине народными, не забываются и никогда не забудутся, вернуться и сделают нашу жизнь, особенно жизнь молодых поколений, человечной, патриотичной и просто осмысленной.

В 1944 г. был организован Западно-Сибирский филиал Академии наук СССР. Его возглавил известный учёный-угольщик академик А.А. Скочинский. Первым институтом в ЗСФ АН СССР стал Горно-геологический (ныне Институт горного дела СО РАН). Его возглавил также крупный учёный-угольщик Н.А. Чинакал. После А.А. Скочинского ЗСФ АН СССР вплоть до организации Сибирского отделения АН СССР в 1957 г. возглавлял член-корреспондент АН СССР, также угольщик, Т.Ф. Горбачёв. Всё это говорит об огромном запасе жизненных сил страны в советский период.

А потом начались салюты в честь наших побед. Пришёл на нашу улицу праздник! Да ещё какой! Нам уже было по 14—15 лет. Каждый салют был общей радостью. Вечером на площади Ленина собирался «весь город». Лучи прожекторов, залпы орудий, весёлые и счастливые лица, счастливое и тревожное ожидание Великой Победы. Мы тоже вместе со всеми пережили эти трудные годы!

9 мая 1945 года свежим солнечным утром я, как обычно, пошёл в школу. Но дошёл только до Красного проспекта — Победа! Я свернул в сторону площади Облисполкома. Площадь уже была заполнена ликующим народом. Мне досталось место на крыльце Краеведческого музея. На балкон Облисполкома вышел Первый секретарь Новосибирского обкома партии М.В. Кулагин. Он закончил свою краткую речь словами «А теперь — гуляй, Сибирь!». Это было счастье, оставшееся на всю жизнь!

Уважаемые читатели! Рассказанное — фактические события, впечатления и чувства моего детства и юности. Детства и юности городского новосибирского мальчишки. Что мы видели и что знали. Я осведомлён о том, что в жизни было, есть и будет и хорошее, и плохое. Но дай Бог всем мальчишкам и девчонкам жить в такой же стране, в которой жили мы. Жизнь продолжается.

Г.И. Грицко, член корреспондент РАН

Источник:

Грицко Г. И. Из воспоминаний новосибирского мальчишки // [Наука в Сибири](#). — 2010. — N 18. — С. 6.